

“PHILOLOGUS CRUCIS” И.Г. ГАМАН И ЕГО ГЕРМЕНЕВТИКА

© 2004 В.Х. Гильманов

Калининградский государственный университет

Иоганн Георг Гаман является одной из самых загадочных и, видимо, влиятельных фигур в духовной истории Германии. Однако его воздействие на духовные поиски эпохи Просвещения и последующие поколения лишь с трудом согласуется с реальностью его, на первый взгляд, заурядной и не богатой событиями жизни, большая часть которой связана с Кенигсбергом, где он родился и жил, зарабатывая на жизнь не гонорарами за свои необычные сочинения, а на посту среднего чиновника в конторе таможенного склада. Но этот прусский служащий считается отцом литературно-художественного движения “Буря и натиск” [1] и одним из вдохновителей немецкого романтизма. Гете находился под сильнейшим влиянием этого странного и таинственного “автора”, которого крон-принц Веймарской классики называл самой светлой головой своего времени [2]. Ему не было еще 33 лет, когда один из видных представителей немецкого Просвещения Фридрих Карл фон Мозер, занимавший высокий пост президента г. Дармштадта, “присвоил” ему прижизненный титул “маг с Севера”, который Гаман принял и с которым он вошел в посмертную традицию, с некоторой иронией именуя себя, однако, чаще как “*magus ex telonio*” [3], но осознавая себя при этом в силу христоцентричности его картины мира в роли, сравнимой с теми новозаветными магами (= волхвами), которые пришли с Востока поклониться новорожденному Иисусу [4].

Его верным и внимательным учеником был Иоганн Готфрид Гердер, перенявший многие идеи своего учителя, но, кажется, не постигнувший до конца всей глубины и высоты головкружительных полетов его мысли. Он является одним из важных истоков христианского экзистенциализма, в первую очередь, в связи с глубоким влиянием, оказанным на Серена Кьеркегора [5]. Над его замысловатыми сочинениями ломал голову Гегель, посвятивший Гаману большую статью и весьма критически оценивший его

“несистематизированное авторство” с прохладных высот своей трансцендентальной феноменологии [6]. Этот рыцарь бескомпромиссного духа отважно бросался в бой с такими великанами эпохи Просвещения, как Кант, М. Мендельсон, Лессинг и даже с “королем философов” Фридрихом Шлегелем. Вряд ли он победил, но и не был побежден.

Ему приписывают “коперниканский переворот” в философии языка, которая одновременно является у него теологией языка, поскольку, согласно Гаману, все мироздание имеет божественно-словесную природу и сущность языка может быть понята только как обращение и нисхождение Бога к человеку. Такая высокая оценка Гамана, с одной стороны, не лишена оснований, так как он предвосхищает в своем творчестве идеи таких ученых, как В. Гумбольт, Я. Гримм, Витгенштейн, Сепир, Уорф, Леви-Стросс и др. Но с другой стороны, этой оценке он обязан довольно узкому кругу своих восторженных почитателей, которым хватило терпения и интеллектуального мужества для того, чтобы пройти по нескончаемым лабиринтам гамановских текстов, запутанных и усложненных многочисленными аллюзиями, требующих от читателя незаурядного горизонта знаний и высокого накала стремления понять. Гамана постарались понять и любили лишь немногие, и поэтому он, несмотря на бесспорное и весьма чувствительное воздействие на духовно-литературный и религиозно-философский процесс, затерялся в сутолоке прошлого и оказался практически забытым в истории как философии, так и литературы.

Гамана на самом деле очень трудно читать, понимать и излагать, по крайней мере, при первом приближении, поскольку он не принадлежит к традиции регулярной, систематической философии или теологии. Он не поддается “погребению” в склепе одной из классифицирующих рубрик прошлого, он ускользает от классификаторского рвения систематизирующих ана-

литиков: его легко назвать теологом [7], антирационалистом (как Гегель [8]), мистиком с гностическим уклоном (как Й. Надлер [9]), "яркой и особой главой в истории чувства" (как В. А. Кожевников [10]), экзистенциалистом, номиналистом, каббалистом (как П. Крафт [11]), "метакритическим философом", смесью мистицизма и эмпиризма (как И. Берлин [12]) и т. п. Но в этом как раз и состоит беспокоящий феномен Гамана и трудность его интерпретации: он как бы все и ничего в отдельности.

Гаман стремится примирить философию и теологию, поэзию и науку, *ratio* и веру, однако условием примирения для него является понимание реальности Бога. Бог для него — "писатель", "автор" трех основных "книг", в которых Он обращается к человеку: это — "книга" Природы, "книга" Истории и "книга" Священного Писания. Научиться читать и понимать эти "книги" Бога — вот в чем, по Гаману, заключается основной смысл жизни каждого отдельного человека. Понимание этих "книг" возможно только как преображающее переживание действительности как Откровения, как "текстов" Бога, что обуславливает тот факт, что все вопросы и загадки, мысли и тайны, касающиеся Бога и человека, их взаимоотношений, центростремительно сводятся к проблеме "Слова". Подобное понимание Бога как "писателя" обусловило то, что столицей примирения различных форм общественного сознания Гаман избирает филологию в качестве базовой науки всех наук, поскольку, если Бог — "автор" основных "текстов" жизни, то умение слышать и понимать язык этих текстов является ключом, Альфой и Омегой истинного познания. Себя самого Гаман называл "*philologus crucis*" (N II 249:31). В ответ на критику одного из своих сочинений со стороны "Писем о новейшей литературе" Гаман пишет: "Что же нам нужно сказать о вкусе филолога? Прежде всего, его имя означает почитателя живого, действительного, обоюдоострого, проникающего до разделения составов и мозгов, критического слова, перед которым нет твари, сокровенной от него, но все обнажено и открыто перед его глазами [К Евр. 4, 12]" (N II 263:49). Филологичность Гамана не ориентирована на точность картезианского метода, но это не значит, по нашему мнению, что ей не свойственна своя точность и логика, в чем нередко упрекают Гамана. Но эта логика тесно связана с поэтикой, с особой поэтической методологией, которая основана на типологической образности мышления Гамана. Поэтому вопрос об истинности у него всегда связан с вопросом о методе.

Понимание научного мышления у Гамана основано, как представляется, на традициях гу-

манистической филологии с ее полифоничностью и синтетичностью. Понятие "наука" конституируется у него на герменевтике "Слова", или "образа", с его герменевтическим ключом в Библии. Это понятие предполагает совокупное, неизолированное отношение к истории, философии и поэзии, "иначе из ораторов получаются болтуны, из знатоков истории — энциклопедисты, из философов — софисты, из поэтов — забавные весельчаки" (N II 176:25).

Гаман предвосхитил многие поиски современной герменевтики, исходя в своей теории понимания из необходимости соблюдать строгие и "нежные" правила понимающей морали в отношении познаваемого объекта, чтобы не "поранить" святое измерение его инобытийности, инаковости, особой единственности: это — "понятийное смирение", "немое внимание", "глубокое благоговение" и даже самопожертвование. "И я забыл все книги, я стыдился того, что когда-то сравнивал их с Книгой Бога, что иногда даже какую-нибудь из них предпочитал ей. Я узнавал мои собственные преступления в истории еврейского народа, я читал свою собственную биографию и благодарил Бога за его терпение с этим народом, потому что ничто не давало мне повода для такой же надежды, как такой пример. С этими размышлениями я читал вечером 31 марта 5 главу 5 книги Моисея и впал в глубокую задумчивость, думая об Авеле, о котором Бог сказал: Земля отверзла уста свои принять кровь брата твоего. Я чувствовал, как бьется мое сердце, я слышал голос его, вздыхающий и жалующийся в глубине, как голос крови, как голос убитого брата, и почувствовал, как переполняется мое сердце. Оно обливало слезами; я дольше уже не мог, я не мог скрывать от Бога, что я был тот убийца, братоубийца Его кровного сына. Дух Божий продолжал, несмотря на мою большую слабость, несмотря на долгое сопротивление, которое я оказывал Его свидетельству, Его прикосновению, в Его желании открывать мне все больше и больше тайну Божественной любви и благодетельности веры нашего Спасителя. Среди стонов, издаваемых перед Богом толкователем, который дорог Ему, я продолжал читать Божественное Слово и чувствовал поддержку Того, Кем Оно было написано как единственный путь понять смысл этого Писания" (N II 40:37). Это — выдержка из исповеди Гамана о жизненном повороте в судьбе, который случился 31 марта 1758 года. Через чтение истории народа Израиля в библейском тексте он узнает свой собственный грех и вину по отношению к Богу и "другому". В прочтении библейской истории ему встречается Слово Бога как ведущее к преодолению самого себя обращение, которое ведет к перелому, оп-

ределившему всю его дальнейшую жизнь. Герменевтически важным является положение о том, что понимание этой истории осуществляется Гаманом на пути самоидентификации: “Я читал свою собственную биографию”, — пишет он. При таком подходе происходит обратное модели “Я — Оно”, “Я — Не-Я” = той модели, которая основана на картезианской дихотомии “Субъекта — Объекта”. При таком подходе не Слово Писания экстраполируется в сегодня, а наоборот, читатель видит себя перемещенным в библейскую историю. Субъектом толкования является не человек, а Автор Писания [13].

Гаман создает совершенно удивительную в своей актуальности модель понимания. Поскольку для Гамана Бог — это суть “автор” текста, поскольку Его сказывание в библейском Откровении становится текстом, то этому тексту выпадает судьба всех текстов, а именно: то значение, которое мы приписываем тексту, не всегда совпадает с тем, что хотел сказать автор. Это как раз то, что П. Рикер описывает как “автономное бытие текста” [14] по отношению к интенции автора: автор бессилен повлиять на дальнейшее восприятие и историю воздействия своих высказываний. Поскольку Бог “выговорился” через пророков и Сына, поскольку Его речения и свидетельства стали текстом, то “книги” Бога оказываются во власти определенной “эстетики усвоения”. Классификаторское рвение интерпретаторов нередко приводит к тому, что при выявлении значений содержания текстов они редуцируются до определенной значимости посредством предзнания, предрасположенностей интерпретаторов. Это — одна из наиболее распространенных моделей восприятия текстов, когда они сводятся к уже имеющимся уровням отношений в фоновых знаниях читателя.

В этом плане любой текст так же, как текст Библии, как “писательство” Бога, означает беззащитность по отношению ко всем возможным формам его интерпретационного завладения, поскольку понимание как конституирование значений текста сильно зависит от рамок собственного горизонта интерпретатора, который, как полагает Гаман, отказывается от “понятийного смирения” и “немного внимания” по отношению к тексту и который не хочет отказаться от своего “уже знания” и не хочет тексту позволить “поучать” себя. У Гамана “смирение” по отношению к познаваемому объекту выступает как основополагающая предпосылка познания.

Эта гамановская герменевтическая директива, ориентированная на текст Откровения, оказывается релевантной для толкования не только библейских, но и всех остальных текстов. Гаман постулирует особого рода специаль-

ную научную мораль, выступающую в качестве требования особой этической корректности по отношению к объекту. Рикер также указывает на необходимость поворота традиционных герменевтических способов восприятия. “Понимание, — пишет Рикер, — это прежде всего самопонимание перед текстом” [15], что означает не навязывание тексту собственной ограниченной способности интерпретации, а “подставление” себя тексту, своеобразное “разоружение” перед текстом с тем, чтобы получить от него более широкое и более точное знание о себе как о “проекте бытия”, выступающем действительной формой соответствия “проекту мира”. Не субъект конституирует понимание, а наоборот, сама личность, лучшая сторона субъекта, конституируется “делом” текста. Рикер формулирует это с явным намеком на Евангелие от Марка: “Я, читатель, найду меня только тогда, когда потеряю себя” [16]. То есть то, что у Гамана выступает в качестве герменевтического принципа толкования текста Святого Писания — “смирение”, — является директивой и нормой герменевтической открытости субъекта в рамках теории интерпретации в целом.

Для современной герменевтики данные герменевтические директивы Гамана представляются чрезвычайно актуальными для преодоления интеллектуального “нарциссизма” радикально рационалистической и утилитарной картины мира Нового времени, следствием которой является драматичная неспособность человека к коммуникации с историей, природой, с другим, с Богом. Гаман стремится обречь друг с другом, казалось бы, противоположные грани бытия, противопоставляя “бракоразводному искусству” философии и науки Нового времени “венчальное искусство” единого интегративного мышления, для которого сущее означает единство чувственного и рационального, эстетики и логики, языка и разума, трансцендентального и имманентного.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы / В. М. Жирмунский. — Л., 1972. — С. 290.
2. См.: Kanzler Friedrich von Myller. Unterhaltungen mit Goethe, mit Anmerkungen versehen und herausgegeben von R. Grumach. — Weimar, 1982. — S. 109 (18. Dezember 1823).
3. См.: Hamann J. G. Briefwechsel. Bd. I — III, herausgegeben von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden, 1955—1957; Bd. IV — VII, herausgegeben von A. Henkel / J. G. Hamann. — Wiesbaden, 1959, Frankfurt am Main, 1965—1979. — V. 291: 17.

4. См.: Матф. 2, 1.
5. См., напр., ссылки на Гамана в след. изд.: Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. — М., 1993. — С. 14, 114.
6. См.: Hegel G. W. F. Hamanns Schriften / G. W. F. Hegel. Hrsg. v. F. Roth. — Berlin, 1821—1825. (Jahrbuch für wissenschaftliche Kritik. — 1828. — Nr. 77-80. — S. 620-640). Перевод на русский: Гегель Г. В. Ф. О сочинениях Гамана // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. — Т. 1. — М., 1970. — С. 575-642.
7. См.: Seils M. Theologische Aspekte zur gegenwärtigen Hamanndeutung: Theologische Dissertation / M. Seils. — Rostock, 1953.
8. См.: Hegel G. W. F. Указ. соч. — С. 624.
9. См.: Nadler J. Johann Georg Hamann. Der Zeuge des Corpus mysticum / J. Nadler. — Salzburg, 1949.
10. См.: Кожевников В. А. Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму 18 века и к критической философии / В. А. Кожевников. — М., 1897. — Ч. 1. — С. 141.
11. См.: Kraft P. Christliche Kabbalistik als sprachformendes Prinzip im Schaffen Johann Georg Hamanns / P. Kraft. — Wien, 1961.
12. См.: Berlin I. Der Magus in Norden. J. G. Hamann und der Ursprung des modernen Irrationalismus / I. Berlin. — Berlin, 1995.
13. В этом пункте подход Гамана совпадает с подходом Умберто Эко. См.: Eco U. Streit der Interpretationen / U. Eco. — München; Wien, 1987. — V. A. 15-29.
14. Ricoeur P. Philosophische und theologische Hermeneutik / P. Ricoeur // E. Juengel. Metapher. Zur Hermeneutik religiöser Sprache. — 1974. — S. 28.
15. Ricoeur P. Op. cit. S. 33.
16. Ebenda. — S. 119. См. Марк 8, 35: Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее. А кто потеряет душу свою ради меня и Евангелия, тот сбережет ее.